

cure autonomy and independence in 1917–1922.

Among the rich and informative studies included in the book, the chapter by Peter Lieb and Wolfram Dornik in the first section is of particular interest. It argues that the Austrians and Germans never developed a systematic occupation policy that could regularize relations with a popularly mandated Ukrainian government or stabilize life for the people living in the affected areas. Then in a series of chapters on military operations, the occupation, and economic utilization in the second section, Lieb and Dornik argue how coal was a top priority for the Central Powers, along with grain and other raw materials desperately needed for their war effort. The authors claim that the Central Powers discarded the idea of national self-determination in favor of securing for themselves a sphere of influence in Eastern Europe that would be economically dependent on Central Europe.

In his chapter in the first section, Vasyl Rasevych examines the seemingly unresolvable complicated relationship between Eastern and Western Ukrainians, which prevented the unity necessary for Ukraine to emerge as an autonomous nation during this time of turmoil. Bogdan Musial penned two chapters for the fourth section—one on the Bolsheviks', and the other on Poland's poli-

cies toward Ukraine. He shows how the irresolvable mutual territorial claims had persisted well after 1922, through the entire interwar period, poisoning relations between Poland and Ukraine (and by extension the Soviet Union).

Dornik concludes this collection of essays by noting that, compared to the large-scale violence of World War I and the brutality of the Russian Civil War, the in-between period of occupation of Ukraine by the Central Powers is striking for its relative calm and stability. This might help explain why some Ukrainians hoped for peace and prosperity when the Nazis arrived in the summer of 1941. As to the Germans, their drive to the East, both in 1918 and 1941, was in good part motivated by the desire to gain control over Ukrainian economic assets. Likewise, the Bolsheviks decided that they could not secure their rule without controlling Ukraine because of its economic resources and strategic significance. Once the rest of the world had enough of the conflict that had consumed it since 1914, foreign troops withdrew from Ukraine (and all other points of intervention) and ultimately allowed the Bolsheviks to consolidate their authority at the expense of an independent Ukrainian state.

This collection of essays draws a comprehensive portrait of an embattled Ukraine in 1917–1922 that

had neither the international support nor the internal cohesion to unify, become recognized, and remain an autonomous and independent nation. The research based on rich archival sources offers a wealth of information about Central Europe in the period after the end of World War I. In addition, Wolfram Dornik and his colleagues should be acknowledged for elaborating a clear and convincing interpretative framework presenting a coherent story embracing multilayered processes that proved decisive for the first half of the twentieth century.

Игорь ОРЛОВ

О. В. Великанова. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. Москва: РОССПЭН, 2017. 295 с., илл. ISBN: 978-5-8243-2148-7.

КРАХ МИФА “РЕВОЛЮЦИОННОГО
ОБНОВЛЕНИЯ МИРА”

Представленная на суд русского читателя книга профессора Университета Северного Техаса (США) Ольги Валентиновны Великановой, судя по творческой биографии автора, стала итогом большой и, следует признать, плодотворной работы по реконструкции коллективных представлений (массового восприятия или массовых настроений) советских граждан в первое послереволюционное десятилетие и их трансформации под влиянием официальной пропаганды.

По своей структуре книга представляет собой, помимо введения и заключения, пять глав, связанных между собой единой темой – реакцией населения советской России на инициируемые властью мобилизационные кампании. Развернутое введение, помимо обзора источников, фактически является введением в проблематику, одновременно выстраивая исторический контекст периода нэпа. Если из первой

главы мы узнаем о военных тревогах 1923–1924 гг. и реакции на них населения, то военная тревога 1927 года раскрывается сразу в двух главах: во второй главе как дискурс власти, а в третьей как восприятие очередной кампании населением. Четвертая глава погружает нас в историю крестьянских союзов, начиная с первой русской революции и заканчивая процессом Трудовой крестьянской партии. И, наконец, пятая глава, посвященная юбилейным торжествам в честь 10-летия Октября, демонстрирует кризис веры большинства населения в революционные идеалы.

Автор сознательно избегает использования термина “общественное мнение” применительно к этому периоду. Понимая необъятность темы, она сосредотачивается на мобилизационных кампаниях 1920-х гг., ставших не только “стратегией национального строительства и социальной интеграции”, но и подменой подлинного народовластия (С. 11, 13). Действительно, мозаичность и противоречивость массового сознания фрустрированного социума 1920-х годов с трудом могут быть “собраны” в формат общественного мнения. Скорее, мы имеем дело с элементами общественного мнения по отдельным актуальным проблемам. Об этом пишет и сама Великанова, удив-

ляясь тому, сколь “большое количество людей проявляло способность критически анализировать текущую политику” (С. 11).

Поскольку тема внешней угрозы была одной из наиболее обсуждаемых в годы нэпа, а ожидание войны заняло центральное место в формировании сталинской системы, историк выделяет военные тревоги 1923, 1924, 1927 и 1930 гг., рассматривая отношение к ним как политического руководства, так и рядовых граждан. Несмотря на то, что международное положение в 1920-е годы не представляло серьезной военной опасности для Советского Союза, в нагнетании атмосферы сыграл роль трагический опыт Первой мировой и гражданской войны, на который наслонились мифы о революционной войне и враждебном окружении.

Принцип совокупности источников, подразумевающий не только вовлечение в научный оборот различных групп документов, но и использование источников альтернативного происхождения, позволил автору избежать (насколько это вообще возможно) предвзятости отдельного документа или ведомственных оценок сферы общественных настроений. Но самое главное, что такой подход раскрывает “амбивалентное многообразие мнений”, выходящее за рамки простой оппозиции

“согласие – инакомыслие” в отношении большевистского режима. Спектр массовых настроений колеблется от горячей поддержки власти до сопротивления, от веры в светлое будущее до полной индифферентности. Прагматическое приспособленчество соседствует со скрытой враждебностью, а протест может приобретать форму циничного манипулирования. В общем, говоря языком исследователя, документы демонстрируют “гораздо большую степень инакомыслия среди населения, чем мы думали раньше” (С. 221). Большинство мобилизационных кампаний 1920-х годов заканчивались неудачей в силу того, что традиционный в своей основе социум (прежде всего, крестьянский) противился попыткам переделать его.

Из личного опыта рецензирования различных изданий я вынес одно правило: чем профессиональнее и интереснее написана книга, тем больше желание выйти за рамки традиционного жанра научной рецензии. Умная книга заставляет задуматься не только о том, чем ее выход в свет способствовал приращению исторического знания. Чтение превращается в процесс своеобразного “соавторства”, в стремление поразмышлять вместе с автором над теми проблемами, которые затронуты в исследовании (а еще

больше – над тем, что осталось за кадром). Вживание в текст вызывает желание понять творческую “кухню” исследователя, уловить за обширным материалом внутреннюю логику работы.

Осмелюсь предположить, что логическая схема Ольги Великановой связана с реконструкцией отражения в народном восприятии центральных тем идеологии и политики большевиков: места страны в мире, сущности социализма и взаимоотношения населения (в первую очередь, крестьян) с государственными институтами и вождями. Вычленение этих базовых конструктов массового дискурса происходит через реакцию граждан на те или иные политические заявления советского правительства. Но при этом логическая схема насыщена обширным фактическим материалом, который верифицирует те или иные выводы автора.

Прежде всего, речь идет о реконструкции цепочки военных тревог исследуемого периода, которые, при всей своей специфике, имеют общие черты, вписанные в логику становления сталинской системы. Так, военная тревога 1923 г. была связана с тяжелой болезнью В. И. Ленина в марте этого года, в ее основе лежал страх большевистского руководства лишиться власти из-за народных бунтов и иностранной интервенции.

Вокруг первой военной тревоги выстраивается специфический международный контекст, включая кризис советско-английских отношений из-за деятельности Коминтерна в Афганистане, Индии и Персии (ультиматум Керзона); суд над британскими гражданами, арестованными в СССР за шпионаж; убийство в Лозанне В. В. Воровского, приведшее к разрыву дипотношений со Швейцарией; осенний революционный кризис в Германии (С. 37, 39-40, 46). Документы (как официальные, так и личного происхождения) убедительно свидетельствуют, что значительная доля населения СССР (особенно сельского) оказалась невосприимчивой к большевистской пропаганде. Более того, “предчувствие войны” в деревне зачастую принимало антисоветскую направленность и различные формы пораженчества.

На военную тревогу 1924 г., вызванную смертью вождя в январе, наложилась августовская мобилизационная кампания, посвященная десятилетию начала Первой мировой войны. Великанова выявляет ряд особенностей этой кампании: риторику, связывающую войну с мировой революцией; внимание прессы к ужасам будущей войны, в том числе, химической; манипуляция потенциальной угрозой воздушных налетов на Москву и Ленинград;

надежды на поддержку международного пролетариата (С. 49, 51, 52, 55).

Что касается военной тревоги 1927 г., то ее инициаторами были Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталин. Тем не менее, вопреки сложившейся российской историографической традиции, автор не находит свидетельств того, что военная тревога представляла собой “намеренный маневр с целью разгрома оппозиции” (С. 60). Если тревожные ожидания захватили большевистское руководство еще в январе 1927 г., то есть до настоящего международного кризиса, “общий переход к агрессивной риторике” был все-таки связан с антианглийской кампанией в советской печати, достигшей кульминации в мае. В свою очередь, попытки мобилизовать население приняли форму двух пропагандистских кампаний весны и лета 1927 г. – “Наш ответ Чемберлену” и “Неделя обороны” Осоавиахима (С. 67, 69-70). Автор делает важный вывод, что политические и экономические убытки значительно превысили “сомнительные выгоды” кампании мобилизации. Однако именно с этого времени “режим чрезвычайного положения стал модусом власти” – произошла институционализация временного и исключительного внесудебного насилия как технологии управления. Курс на унич-

тожение потенциальной “пятой колонны” привел к росту числа арестов и, особенно, смертных приговоров, установлению квоты на аресты и составлению ОГПУ списков “антисоветских элементов” (С. 74, 83, 86, 89, 90, 92).

Наконец, военная тревога 1930 г. была напрямую связана с началом коллективизации, усилившей пораженческие настроения в деревне. Резкий рост массовых крестьянских выступлений, наряду с Великой депрессией на Западе, рассматривался партийным руководством как вероятный повод для иностранной интервенции (С. 132).

За всеми этими военными тревогами стояло общее объединяющее начало – страх руководства страны, знавшего, что оно не может положиться на лояльность большинства населения. В свою очередь, “цикличность военных тревог”, по мнению Великановой, служило вероятным признаком “скрытой паранойи сталинистов”. Другое дело, что постепенно состояние тревоги “рутинизировалось” и стало использоваться в сиюминутных политических целях. Сильные оппозиционные и пораженческие настроения (особенно в деревне и в армии, на три четверти состоявшей из крестьян) свидетельствовали об остром кризисе легитимности власти. Феномен пораженчества

отражал отсутствие национального единства и национальной идентичности (прежде всего, у крестьян), отчуждение населения от государства и негативную реакцию на повседневные тяготы. Идентификация с советскими ценностями “ограничивалась пределами небольшого большевистско-советского сектора общества и части молодежи” (С. 98-99, 100, 116, 123, 137, 139).

В противовес этому исследователь видит в “пробуждении русского крестьянства” (в первую очередь, в движении за создание Крестьянского союза), наряду со сплочением деревни против советской политики, “свидетельство сдвига в направлении ... современности”, который проявился в новом политическом поведении, основанном на новой идентичности. Индикаторами этого процесса для историка выступают: усиление эпистолярной активности как потребности в гражданском самовыражении; стремление к юридической грамотности; “антирабочие настроения” и серьезный социальный конфликт между городом и деревней (“размычка”). При этом крестьяне вели речь о “своей возможной интеграции в политическую систему в абсолютно конструктивном, рациональном ключе” (С. 140, 141, 148, 153, 158). Хотя движение за создание Крестьянского союза существо-

вало в основном в виде дискурса, но были и попытки организовать союзы в ряде регионов. По твердому убеждению автора, главной причиной провала этого движения были отнюдь не политическая необразованность и инертность крестьянства, а репрессии ОГПУ (С. 175, 181).

Исследовательская логика обретает свою завершенность именно в последней главе, посвященной реакции населения на десятилетие Октябрьской революции. Юбилейные торжества рассматриваются не столько как мобилизационная кампания или ритуал, сколько с точки зрения оценки трудящимися свершений большевистского режима с учетом властных обещаний и народных чаяний. В этой главе автор обращается к ценностным основаниям массового сознания. Во-первых, она подчеркивает сложившуюся (или по крайней мере, проявившую себя) разницу в понимании социализма властью и простым народом. Если партийное руководство пыталось легитимировать себя через ассоциацию с великими целями революции, то народ стал отделять идею социализма от реальной политики власти. Вызвано это было в немалой степени тем, что народные представления о социализме строились на христианской идиоме (рай или земное царство)

и, одновременно, на вере в технический прогресс. Социализм виделся как воплощение принципов всеобщей справедливости и равенства, братских отношений и продуктового изобилия. Очевиден и нарратив жертвенности, когда светлое будущее виделось как цена за страдания и терпение (С. 191-193, 195).

Во-вторых, отмечая десятилетний юбилей Октября, партия хотела легитимироваться “по результатам”, изобретая новые “придуманные традиции”, связанные с революцией и достижениями советской власти. Октябрь во властном дискурсе превращался в мифологическую точку сотворения нового мира (С. 196, 198). Но против официальной “истории успеха” работал фактор продовольственного дефицита, спровоцированного военной тревогой 1927 года.

В-третьих, ставились и вполне прагматичные задачи. Например, наблюдение за поведением населения во время празднеств давало возможность понять настроения разных групп народа и оценить степень советской идентичности. Развернувшаяся на страницах газет публичная дискуссия об итогах десятилетия советской власти преследовала цель внедрения в общество новых культурных стандартов путем организации “правильного” общественного

мнения. Это была “дисциплинарная практика, сначала управляющая языком и поведением, а, в конце концов и сознанием масс” (С. 197-198).

Революция ввела обывателя в мир, населенный такими загадочными “персонажами”, как “мировая революция”, “коммунизм”, “мир капитала” и пр. Но эти абстрактные символы требовали “телесного” освоения, введения в повседневную жизнь советских людей. Одним из способов решения этой проблемы и стала “инсценировка” как составляющая часть праздника.¹

Тем не менее, “политика тотальной войны в мирное время”, включавшая мобилизацию всех человеческих и материальных ресурсов, надзор, учет, регулирование, контроль над умами и государственное насилие, включая внесудебные репрессии, на практике провалилась. В 1920-е годы ни советские, ни национальные ценности не стали основой для объединения расколотого и находящегося фактически в состоянии “латентной” гражданской войны общества.

Таким образом, рецензируемая книга вносит вклад в дискуссию о социальных корнях сталинизма. Ведь в “режим тотальной

войны” хорошо вписываются не только репрессивные, но и надзорные практики, выполняющие две функции: удержания власти и создания общенационального консенсуса. Другое дело, что большевистская политика на деле противопоставляла эти функции, явно отдавая предпочтение первой.

К сожалению, нюансированный подход автора к общественным процессам 1920-х гг. вступает в противоречие с недостаточно критическим отношением к терминологии. К примеру, автор свободно оперирует понятием “советская цивилизация” применительно к эпохе нэпа, что предполагает консолидацию режима и окончательное структурирование общества. Описанные автором политическая фрагментация и противоречия советского общества вызывают сомнения в применимости данного понятия к 1920-м годам. Указание на то, что “безработица достигла своего пика в 1929 г. и прекратилась в 1930 г. с началом индустриализации” (С. 23), скорее затемняет, нежели проясняет ситуацию на советском рынке труда. Мы имеем дело с очевидной партийно-государственной манипуляцией понятиями: “ликвидация” безра-

¹ Подробнее об этой проблеме см.: В. В. Глебкин. Ритуал в советской культуре. Москва, 1998. С. 12-24, 101-102.

ботицы была связана с закрытием бирж труда, то есть отсутствие зарегистрированных безработных было приравнено к отсутствию безработицы вообще. Это “преимущество социализма” на долгие годы спрятало существовавшую в СССР скрытую безработицу.

Другой проблемной стороной книги является решение автором вопроса репрезентативности источников и обоснованности делаящихся на их основании широких обобщений. Ольга Великанова специально оговаривает, что не ставит задачу реконструировать полный исторический контекст двадцатых годов, а ограничивается кратким изложением событий и фактов. Однако ее выводы гораздо шире частных наблюдений, а отказ от количественного анализа массовых источников непоследователен. Так, заявляя о невозможности статистической оценки массовых настроений, автор тут же обращается к статистическим данным по другим, но связанным поводам – выходу из партии и уклонению от призыва в армию (С. 28-29). Возможно, пессимизм в отношении статистики связан с оценкой сводок органов безопасности, избирательно фиксирующих преимущественно “негативную информацию”. Но и динамика уклонения от воинского призыва свидетельствует о характере изменения общественных

настроений. К тому же круг источников можно расширить, например, за счет судебной статистики.

В то же время, допускаемые автором генерализации оказываются несколько обособленными от логики исследования и поэтому не способствуют приращению знания. К примеру, трудно не согласиться с тем, что “нэп оставался половинчатым компромиссом, полным внутренних противоречий” (С. 25). Но тогда встает вопрос о том, как эти противоречия отражались на специфике массового сознания периода нэпа. Можно предположить, что, помимо раскола между городом и деревней, психологии “единого общества” (а тем более, “советской цивилизации”) не давали сложиться противоречия между простыми гражданами и советской номенклатурой, а также ярко выраженные антинэповские настроения значительной части населения.

Не умаляя значения проведенного автором исследования, можно предположить все же, что более активное взаимодействие с релевантной историографией по затрагиваемым в книге темам позволило бы решить проблему реконструкции широкого исторического контекста и обоснованности допускаемых обобщений. Это касается даже таких центральных для книги сюжетов, как военная тревога 1927 г. Трудно согласиться

с утверждением автора о том, что до выхода данной книги историки игнорировали внутрисоветские аспекты этого политического кризиса – экономическую и политическую ситуацию, социальную динамику и массовые настроения, ограничиваясь рассмотрением международных отношений и внутривластной борьбы (С. 58). Это не так, о чем свидетельствуют работы, вышедшие еще в 1990-х гг., но, к сожалению, проигнорированные автором.²

Указанные недостатки книги служат прямым продолжением ее достоинств, обозначая наиболее перспективные направления дальнейшего развития международной историографии раннесоветского общества. Книга профессора О. В. Великановой обязательно найдет своего вдумчивого читателя, и не только в среде профессиональных историков.

² См., например: А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. Советская власть плюс военизация всей страны // Историки размышляют. Москва, 1999. С. 215-235; Н. С. Симонов. “Крепить оборону страны Советов”: “Военная тревога” 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155-161.

Людмила КЛИМОВИЧ

Марк Уральский. *Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим и Москва: Гешарим / Мосты культуры, 2017. 702 с. Указатель имен. ISBN: 978-5-93273-440-7.**

Книга историка и публициста Марка Уральского посвящена личности, жизненному пути и деятельности общественного деятеля Зарубежной России Ильи Троцкому (1879–1969). Эта личность долгое время оставался вне поля зрения исследователей, если не считать предшествующих публикаций самого Уральского.¹

* Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект МК-2144.2018.6).

¹ М. Уральский. Илья Маркович Троцкий – публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании // Русские евреи в Америке. Кн. 9. Торонто и Санкт-Петербург, 2014. С. 82-162; он же. Память сердца: буниниана Ильи Троцкого // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 325-344; он же. “В запутанных узлах” // Новый журнал. 2014. № 275. С. 319-349; он же. “Нетленность братских уз”: Переписка И. Троцкого с Буниными и Алдановым // Новый журнал. 2014. № 277. С. 241-265; “Среди потухших маяков”: письма С. Н. Орема И. М. Троцкому // Новый журнал. 2015. № 278. С. 273-288; М. Уральский, Ч. Кадаманьяни. “Среди потухших